

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.А. МИХАЙЛОВА

*(Уральский Федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-3(470.55)

ББК ШЗЗ(235.55)-43

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕМУАРЫ НА СТРАНИЦАХ «НОВОГО МИРА»: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ, КУЛЬТУРНОЙ И ЛИЧНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. Статья посвящена изучению категории времени в мемуарах Б. Пастернака «Люди и положения» (1967), И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (1960-1965) и В. Катаева «Трава забвения» (1967), опубликованных в журнале «Новый мир» в эпоху «оттепели». Анализируется биографическое, историческое и эпическое время, выявляются характерные особенности категории времени в мемуарах.

Ключевые слова: Новый мир, мемуары, оттепель, Б. Пастернак, В. Катаев, И. Эренбург, категория времени.

Воспоминания трех классиков русской литературы советской эпохи Б. Пастернака, В. Катаева и И. Эренбурга были опубликованы в шестидесятые годы в журнале «Новый мир». Мемуары имеют ряд характерных особенностей: утрачивается необходимость документально выверенной точности произведений, особую ценность приобретают тексты высокого художественного уровня, наличествуют элементы вымысла. Оформляется микро-жанр литературного портрета, усложняются отношения автора и автобиографического героя. Авторская субъективность становится основополагающей частью мемуаров.

Мемуары посвящены одному времени – первой трети XX века¹. Несмотря на то, что мемуарный жанр по-разному воплотился в этих

¹ В книге И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» воспоминания охватывают первую половину XX века.

книгах, тесная связь основных тем, выбор сходного жизненного материала и персонажей для произведений позволяет вкуче проанализировать данные тексты как типичные образцы мемуарной прозы шестидесятых годов.

В данной работе мы рассмотрим категорию времени в произведениях Б. Пастернака («Люди и положения», 1967), В. Катаева («Трава забвения», 1967) и И. Эренбурга («Люди, годы, жизнь», 1960-1965).

Представление о времени в мемуарах складывается из многих факторов. Это исторические обстоятельства, особенности быта, культуры эпохи, биографии людей, в соответствии с чем формируется время личное, историческое и эпическое [См. подробнее: Колядич 1999]. Данные разновидности взаимосвязаны и образуют обобщенный стержневой образ.

Время в книге Пастернака «Люди и положения» эволюционирует от бытового, личного к историческому и философскому. Первый раздел изображает мир, отраженный в сознании ребенка, доступный его восприятию, представляющий круг людей и событий, имеющих отношение к автобиографическому герою. Писатель подробно восстанавливает не только бытовые приметы далекого прошлого, но и собственные детские чувства и впечатления: «Рисунки ввиду спешности отправляли с оказией. К делу привлечена была кондукторская бригада курьерских поездов Николаевской железной дороги. Детское воображение поражал вид кондуктора в форменной железнодорожной шинели, стоявшего в ожидании на пороге кухни, как на перроне у вагонной дверцы отправляемого поезда» [Пастернак 2012: 229]. Обостренное ощущение времени, умение увидеть его присутствие в большом и малом, свойственные писателю, находятся в полном соответствии с особенностями избранного им жанра.

Деталь – важное средство создания колорита эпохи. Так, символами времени в мемуарах Катаева становятся образы пепельницы и цветка «бигонии». Пепельница – одна из реалий вещественного мира, окружающего героя. Спутница странствий Бунина (развернутое описание судьбы которого представлено в катаевских мемуарах), она отражает разные вехи его жизненного пути: «штампованная из тонкой меди, вернее, из латуни чашка, служившая пепельницей, – полое легкое полушарие с тисненым восточным орнаментом, вещь, по-видимому, купленная Буниным на константинопольском базаре Атмейдане, а может быть, в Смирне или Александрии» [Катаев 1972: 305].

Образ «бигонии» – это «времен связующая нить» и в то же время напоминание об эпохе революции, обусловившей судьбы реальных и вымышленных героев: «это чем-то мучительно для меня знакомое растение, чьи полувьющиеся, крепкие стебли поднимаются по столбам над верандой и постоянно как бы сознательно протягивают к самому моему лицу шафранно-красные соцветия, напоминающие мне что-то чрезвычайно для меня дорогое и важное, причем я делаю еще одно наблюдение: в этом соцветии имеются цветки всех возрастов, от совсем маленьких, как недоразвившийся желудь, ... до бархатисто-бордовых красавцев в полном расцвете – цветов-королей – и, наконец, до цветов-трупов, чьи обесцвеченные пустые чехольчики являют страшный вид коричневого гниения. И все они – вся кисть, все их семейство, живые и мертвые, – расположены строго параллельно перилам террасы, как бы обращенные в одну сторону – к вечно заходящему солнцу, уже коснувшемуся гористого горизонта» [Катаев 1972: 250-251].

В мемуарах отдельные исторические события выступают в виде своеобразных точек отсчета во внутреннем времени произведения. И. Эренбург указывает на даты событий или время года, располагая подобные реплики по всему повествованию: "Когда мне было пять лет, мои родители переехали из Киева в Москву... Это было в 1896 году» [Эренбург. Том I. 1990: 54]; «Шел бурный пятый год» [Эренбург. Том I. 1990: 69]; «Седьмого декабря 1908 года генерал Громько сообщал полтавскому полковнику Нестерову, что "Илья Григорьев Эренбург в гор. Смоленск до сего времени не пребывал". В тот самый день Илья Григорьев, высунувшись из окна вагона третьего класса, недоверчиво глядел на зеленую траву и на маленькие домики парижских пригородов...» [Эренбург. Том I. 1990: 91]; «... мне хочется рассказать о том, чем я жил и какой видел Испанию весной 1937 года» [Эренбург. Том II. 1990: 231].

В «Людах и положениях» для автора важен день, с которого началось его знакомство со Скрябиным, поэтому название года и сезона, во-первых, подчеркивают достоверность изображаемого события, во-вторых, вводят в объективный исторический и авторский субъективный чувственный, эмоциональный и ассоциативный контекст, в-третьих, создает необходимое настроение: «Весной 1903 года отец снял дачу в Оболенском, близ Малоярославца, по Брянской, ныне – Киевской, железной дороге. Дачным соседом нашим оказался Скрябин» [Пастернак 2012: 231]. Пастернак описывает один из весенних дней, когда он ушел в лес сразу же по приезде на дачу.

Впечатления от лесного пейзажа запечатлелись в его памяти, ассоциативным образом соединяясь с впечатлениями от музыки Скрябина: «И совершенно так же, как чередовались в лесу свет и тень и перелетали с ветки на ветку и пели птицы, носились и раскатывались по нему куски и отрывки Третьей симфонии или Божественной поэмы, которую в фортепианном выражении сочиняли на соседней даче.

Боже, что это была за музыка! Симфония беспрерывно рушилась и обваливалась, как город под артиллерийским огнем, и вся строилась и росла из обломков и разрушений. Ее всю переполняло содержание, до безумия разработанное и новое, как нов был жизнью и свежестью дышавший лес, одетый в то утро, не правда ли, весенней листвой 1903-го, а не 1803 года» [Пастернак 2012: 232].

Соблюдая временную дистанцию между автором и автобиографическим героем, мемуарист располагает разные впечатления в своей системе времени. В воспоминаниях Эренбурга, например, соединяются факты личной жизни и исторические события: «Я родился в Киеве 14 января 1891 года... Россией правил Александр III. На троне Великобритании сидела императрица Виктория, хорошо помнившая осаду Севастополя, речи Гладстона, усмирение Индии... Еще жили герои драм и фарсов прошлого столетия – Бисмарк, генерал Галифе... Еще работали Пастер и Сеченов, Мопассан и Верлен, Чайковский и Верди, Ибсен и Уитмен, Нобель и Луиза Мишель. В 1891 году умерли Рембо и Гончаров.

Если представить себе сейчас 1891 год, мир внешне настолько изменился, что кажется, прошла не одна человеческая жизнь, а несколько столетий» [Эренбург. Том I. 1990: 49].

Расширение повествовательного фона и переход в эпический план происходит, когда время воспринимается как эпоха. При этом историческое время превращается в эпическое и автор вводит широкие временные параллели. Обычно появление эпохального времени проявляется через вечные или обобщенные образы, укрупнение отдельных событий, введение разнообразных ассоциативных связей, параллельное изображение судеб [Колядич 1999].

Например, в мемуарах Катаева «Трава забвения» по принципу контраста объединены в одном тексте линии жизни двух больших поэтов эпохи – Бунина и Маяковского. Аналогично Эренбург создает образы Маяковского и Пастернака, Маяковского и Есенина, Паоло Яшвили и Тициана Табидзе.

Таким образом, категория времени в мемуарных произведениях включает в себя биографическое (или личное) время, историческое и

эпическое. Время подчиняет себе движение сюжета. В зависимости от замысла автора оно может следовать исторической и биографической хронологии, а может и нарушать её. Характерные особенности категории времени в воспоминаниях: движение от настоящего к прошлому при явном доминировании авторской позиции «сейчас», а также абerrация памяти – неизбежная трансформация авторской точки зрения на описываемый жизненный материал.

Мемуары трех крупнейших писателей XX века Б. Пастернака, В. Катаева и И. Эренбурга, в которых личное свидетельство о времени органично вплетено в панораму истории, явились уникальным явлением в русской литературе и мемуаристике шестидесятых годов. Журнал «Новый мир» под руководством А. Твардовского по достоинству оценил воспоминания и, несмотря на опальное положение Пастернака, экспериментальность стиля Катаева и явную «непроходимость» отдельных частей книги Эренбурга, опубликовал эти произведения, которые впоследствии стали визитной карточкой самого либерального журнала эпохи «оттепель».

ЛИТЕРАТУРА

Катаев В. Трава забвения // Катаев В. Собр. соч. в 9-ти томах. Том 9. – М.: Художественная литература, 1972. – 672 с.

Колядич Т. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/172704>

Пастернак Б.Л. Люди и положения // Пастернак Б.Л. Апеллесова черта: Повести. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 223-285.

Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: том первый. – М.: Советский писатель, 1990. – 640 с.

Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: том второй. – М.: Советский писатель, 1990. – 448 с.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Т.А. Снигиревой